
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
ОКСАНА ЦАПОВА
АНГЕЛ 78

Оксана Цапова
Ангел 78

https://litres.ru/74842133
SelfPub; 2026

Аннотация

SPN-вирус меняет людей. Болезнь лишила Артура Громова всего и пустила прошлую жизнь под откос. Теперь он отчаянно пытается удержать контроль.

Когда государство предлагает экспериментальный препарат, Артур решает использовать шанс на выздоровление. Но вместо лечения получает катастрофу.

Ему предстоит столкнуться с тем, что не поддается объяснению даже в мире, где сверхъестественные способности — часть повседневности. Пространство меняет привычные очертания, логика рушится, а рок становится саундтреком к происходящему.

Сможет ли Артур принять правду, которая перевернет его представление о мире? А вы?

Содержание

Колыбель Мизрааэля 5
Часть 1 — Код ошибки — SPN 9
Жар в костях 9
Бумажка на витраж 40
Кровавое лекарство 57
Дракон в бегах 67
Тошнота VS Голод 71
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Ангел 78

Прости за все, что сделала и не сделала. И я, наконец, себя прощаю.

Мир зверей — не приговор, а просто фон.
Приговор — последний знак в формуле твоей,
Что ты, решая жизни пример
Поставишь как точку для всех степеней.

Колыбель Мизрааэля

Мамы нет. Сережка дрожал, прижимаясь к подушке. Вокруг — непроглядная тьма. Вспышки молний на мгновение выхватывали из мрака очертания комнаты. Мебель и техника — массивные силуэты, знакомые, но сейчас зловещие. Будто сам воздух давил на все вокруг.

Из груди Сережки вырывались тяжелые всхлипы, беспомощно тонувшие в плотном шуме ливня. Малыш сжимался в комочек; штанишки промокли насквозь. Уткнувшись носиком в мамину пижаму, он вдыхал ее запах. Ткань — всего лишь ткань, без единого намека на родное тепло.

Внезапно загорелся ночник. Мягкий, теплый свет залил пол с детским ковриком, стены с картинами, мебель и дверной проем, ведущий в коридор. Там, на полу… Мама. Только руку видно. Ни единого движения. Ни единого звука.

Повеяло холодком, словно открыли морозильную камеру. В комнате появился незнакомец. Сережка замер. Он уставился на гостя большими глазами. Тот был во всем белом: строгий костюм и водолазка, закрывающая шею, сливались в единый силуэт, и волосы белые-белые, точно мокрый снег.

Сережка неуклюже перевернулся на спинку. Задрал крошечные ручки и ножки — вылитая божья коровка, перевернутая ветром. При взгляде снизу гость казался огромным; он стоял неподвижно, приподняв подбородок. Взгляд незна-

комца полз по комнате. Полка. Книги. Пыльные бумаги. Десятки баночек с лекарствами. Маленькая икона. Обгоревший фитиль свечи. Рядом снимок в рамке — улыбающаяся женщина держит сверток с голубой ленточкой. Незнакомец оценивающе оглядел ребенка. В белоснежном силуэте, глаза — самое темное, что в нем есть. Почти черные, как вода океана. У него едва заметно дернулась густая бровь. Он беззвучно двинулся к дверному проему. Присел на корточки рядом с женщиной. Малыш замер. Когда незнакомец коснулся ее руки, в ту же секунду комнату заполнил резкий, бьющий в нос запах горного озера. Сережка сморщил носик. Тени на стенах поплыли, меняя форму. Гость прикрыл веки. Губы зашевелились, без звука отсчитывая секунды. Тени остановились. Завершил. Воздух сперва полегчал, а потом тяжесть полностью выветрилась, будто никогда и не существовала. Незнакомец аккуратно переложил женскую руку, скрывая ее от глаз ребенка. Из тени показалась Муська. Кошка лениво потерлась о рукав гостя — ноль реакции.

Сережка тоже подался к нему. Одно движение. С усилием он перевернулся на бочок… и кубарем покатился с кровати, но не упал. Сережка завис в воздухе, в нескольких сантиметрах от пола. В буквальном смысле. Детское замешательство длилось несколько секунд. Потом маленькие ручки и ножки инстинктивно заработали, хаотично, ловя невидимую опору. Сережка плавно, поднялся чуть выше гостя, словно его тянули за незримую ниточку. Из груди малыша выскочил звук.

Сначала тихий, вопросительный, а затем — чистый, звонкий смех. Из приоткрытого рта вырвалось еле заметное облачко пара. Сережка проводил новое явление взглядом, пока оно не растаяло. Он так и замер с открытым ртом. Из уголка губ сорвалась капля слюны. Поймав отсвет ночника, она упала на скулу гостя, а тот и не моргнул. На бледной коже, проявился контур снежинки. Символ тут же перетек в серебристые знаки:

«mmdc • xxiiij».

Сережка вытянул руку к светящимся символам. Не дотянулся. Коротко и требовательно укнул. С нажимом потерев ладони, гость взял Сережку на руки. Едва пальцы коснулись головы, как Сережку передернуло. Его уложили в кроватку — бережно, будто хрусталь. Муська крутилась рядом, включив мурчальник на полную мощность.

Свет мигнул. В комнате возникли еще двое — женщина и мужчина, похожие на гостя: те же белые костюмы, волосы. Но коды на щеках новоприбывших отличались: арабские цифры с тире. Горели они частыми импульсами, отливая золотом.

Воздух с треском лопнул, как лампочка накаливания. Сережка затаил дыхание., вцепившись крошечными пальчиками в прутья кроватки.

— Ты вышел за рамки полномочий, Мизрааэль, — отчеканила женщина. — Засвидетельствовал запретное.

Пушок на затылке Сережки поднялся дыбом. Кошка с ко-

ротким шипением исчезла под кроваткой.

— Это измена законам Порядка, — добавил мужчина с нажимом.

Мизрааэль молчал, не поворачивая головы. Он по-прежнему смотрел на малыша, спокойно, почти равнодушно. Сережка моргнул, будто сбрасывая наваждение.

— Не здесь, братья и сестры. Не ныне. Не для детских очей, — ровно ответил Мизрааэль. — Я…

— Молчи! — перебил мужчина, шагнув, к кроватке. — Не тебе ставить условия, отступ…

Женщина оборвала его резким взмахом руки и кивнула Мизрааэлю:

— Завершай.

— Моя благодарность, Озиэль. — Он медленно развернулся к ребенку, чуть пригнувшись и произнес:

— Спи, дитя человека. Пущай сон твой будет глубже всякого вопроса.

Он коснулся мизинцем кончика крошечного носика. Веки Сережки мгновенно отяжелели и закрылись.

Мизрааэль протянул мужчине руки, сжав кулаки. Раздался резкий треск. На запястьях блеснули стальные браслеты. Озиэль подтолкнула заключенного вперед, и все трое исчезли.

Ночник погас.

Часть 1 — Код ошибки — SPN

Жар в костях

1

Я бережно уложил четвертый пончик в пакет, будто хрустальную фару от раритетного Мустанга, и вернул щипцы на стойку. Места в пакете хватало. А пончики на витрине — яркие, ароматные, в цветной крошке — гипнотизировали и будто орали: «Артур, выбери меня! Нет-нет-нет, меня!»

Пришлось подтянуть джинсы — задолбал ремень сползать. Пончики, держите меня, а то улечу в Китай! Нужен пятый. Будет запаска, для веса. Дурацкая шутка…

Опустив еще одну розовую бомбу в пакет, я завязал его и похлопал сверху, как старого приятеля. Комплект собран. Штрих-код клеить не стал, потому что нет штрих-кода — нет проблем. Воровать — плохо, но еще хуже продавать пончики по цене золота. Это ж не бензин, ядрены пассатижи! Да и не каждый день я пончики тырю, а их все равно спишут. Поэтому мои действия — не кража, а перераспределение сладкого в пользу нуждающегося, а нуждающийся — это я. Вообще-то

могли бы зараженным и скидку на продукты давать. Платежеспособность как суперсила — не существует, а жаль, зато «денегнетукинез» — очень даже.

Осталось захватить пару баночек жирного творога, рулон туалетной бумаги «мягкое облачко» (хотя врут ведь, наждачка какая-то), бутылку молока и быстрее бежать в автосервис, где меня ждет работа-работушка. Еще успею чайку заварить, пожрать как следует и глянуть новую серию «The Grand Tour». Класс!

Вкусные мечты рассеялись, когда в ушах внезапно тишина стала громче «Slipknot». Я достал телефон, несколько раз ткнул в черный экран. Сел. Я простонал:

— Не сейчас, дружище...

Чуда не случилось, но великодушно прощаю уставший от жизни пластик. Чего ему только не случалось повидать, но сегодня он верой и правдой весь день спасал меня в автобусе и в больнице. Ему можно и отдохнуть. Разрешаю. От воспоминания про качку в автобусе рот автоматически наполнился кислой слюной. Вот их я ненавижу больше всего на свете! Грязные сидушки, наглые люди, все воняют, в том числе движок горелым маслом. Фу! Я поспешил вспомнить лицо врача, когда показал ему свои записи о температуре. Ровненькие, в табличке, со временем. Он оценил, потому что так удобно и понятно, проще корректировать дозировки стабилизаторов. Тошнота отпустила, а на душе потеплело.

Со страдальческой миной, я смотал наушники в аккурат-

ный моток, засунул их в карман. Надо разориться на пауэрбанк, а то без музыки в магазине, хуже, чем без туалетной бумаги после острой шаурмы. Хотя… Я вздохнул. Какой вообще мне пауэрбанк и острая шаурма? Придурок-мечтатель. Передернув плечами, я покатил тележку дальше.

Супермаркет угнетал. Справа — ценники конские, слева — полупустые полки, а прямо — тащатся те, кто мечтает поскорее закрыть этот квест и не разрыдаться прямо у кассы. Вокруг все как обычно: орущие дети, задолбанные родители, не понимающие, почему растущему организму жизненно необходимы мороженое-пироженое и чипсы. Одиночки бродили, уткнувшись в телефоны. На лбах горела неоном невидимая надпись: «Забросьте меня в тележку и увезите в лес. На шашлык или на дрова — уже неважно». Сам от зомби я мало отличался, конечно, но у меня хотя бы есть уважительная причина.

Из динамиков надрывно завыл гимн магазина. Исполнителям на записи явно угрожали гранатометом, иначе подобный предсмертный хрип не объяснить.

— Где же мое молоко, блин-оладик? — пробормотал я, начав очередной круг по молочным лабиринтам. Вечно все переставляют, будто заняться больше нечем! Один раз поставили, как надо и готово. Все запомнят и всем удобно. Нет же, надо изобретать велосипед на ровном месте. Создавать имитацию бурной деятельности. Бесит.

Я нашел свое молоко. Шесть процентов жирности. Вкус

— отстой, но изжога после таблеток — еще больший отстой. Прям отстойный отстой. Я легко дотянулся до бутылки на верхней полки. Откуда ни возьмись выскочил мелкий пацан, выхватил ее из моих рук и болидом умчался прочь.

— Вот засранец мелкий! — прошипел я, топнув ногой, но через секунду махнул рукой и потянулся за следующей бутылкой. Далеко стоит, падлюка. Встав на носочки и применив «заклинание» из пяти букв, я ее все-таки достал. Победа!

У прилавка с творогом, я внимательно изучил каждую пачку, выбирая посвежее. Как всегда, она оказалась в далеких недрах холодильника. Поехали дальше по списку.

Услышав обрывок фразы из соседнего отдела про «мутантов», я сморщился. Две женщины. Мутанты, мутанты… Да не мутанты мы, а SPN-инфицированные, шкуры ты набитые! С отвращением закинув в корзину рулон туалетной бумаги, я мысленно сплюнул. Голоса доносились со стороны алкогольного отдела. Пришлось притормозить у стеллажа с чипсами, чтобы сдержать порыв подойти, выдать сочный подзатыльник и на пальцах объяснить разницу.

Женщины стояли прямо у винных полок. Я изобразил глубокий интерес к этикетке какого-то коньяка, чтобы погреть уши.

— …подо мной жила мутантка, — вещала одна. — Представляешь?

— Да ладно?! Че прям серьезно?

— Я бы никогда не подумала. Я ей ребенка оставляла. Представляешь?

— Ты Сашку проверила-то?

— Конечно. Чисто все, слава яйцам.

— Бог бережет вас прям.

Желание влезать в спор мгновенно испарилось. Ничего умного они не скажут, раз они даже не в курсе, что SPN-вирус передается исключительно через кровь. Я на автомате обвел языком пустое место, где раньше рос коренной зуб. Накатила мелкая дрожь, но я остался стоять. Хотелось дослушать — так, для себя, ради дикого прикола. Истерического. Забавно, если они теперь решат прополоскать весь дом в хлорке или вообще сжечь его к чертям и переехать на северный полюс.

— Офи-геть, — протянула вторая, переваривая новость. — А как выяснилось-то?

Я отлип от этикетки и в пространстве между бутылок заметил, что у рассказчицы дернулась шея.

— Да как-как... В субботу мечтала выспаться, но куда там. Ее ребенок орал на весь подъезд. Ладно, думаю, не мое дело, конечно — мало ли, там колики или зубы режутся. Но этот треш не прекращался. Три часа ночи! Мой еще нудеть начал, устал он, видите ли. Короче, я плюнула, спустилась. Стучала, колотила в дверь — думала, прибью паразитку, когда откроет.

— Открыла?

— Хрен там плавал.

— А потом?

— Другие соседи подтянулись, даже дед Толя, который отзывается только на слово «водка». — Она скривила губы. — Вызвали короче, полицию.

— И?

— Померла.

— Господи... — выдохнула вторая.

Дернув тележку, я шагал прочь, едва не протаранив зазевавшуюся бабку.

Да что они вообще понимают? Тут орать надо от ужаса, а не сплетничать. Это не дурдом, а дурдомище!

Меня трясло. Хотелось просто взять и разнести весь чертов магазин — в хлам и с грохотом. Я выдернул и распустил наушники: хотел заставить телефон петь, но вспомнил про сдохший аккумулятор. Провода полетели обратно в карман. Все! Больше ни ногой в магазин с разряженным напарником. Я манал!

Завернув в следующий ряд, я не глядя цапнул последнюю пачку сахара с полки и швырнул в тележку. Все, хорош, с покупками завязываем.

Мониторы самообслуживания сегодня демонстративно светились серым — решили взять выходной по своим техническим «чихнинам». Ну спасибо, девочки!

Я глянул в сторону касс. Очереди, подобно тормозным магистралям, извивались так, что конца не видать. И по

встречке не объехать… Блин-оладик! Найдя «хвост» покороче, я занял очередь. Чтобы не стоять в холостую, принялся выковыривать грязь из-под ногтя. Стрижешь их покороче, а все равно вечно грязные. Фу. Надо будет щеточкой пройтись хорошенько.

Очередь двигалась со скоростью больной улитки. Я окинул взглядом прилавок: жвачки «Dirol», шоколадки «Приморский кондитер», батарейки «Космос» — ловушки для тех, кто уже устал бороться с импульсами. Кассирше на вид лет двадцать, не больше. В ее возрасте я Жигули по ходовке за два часа делал. Сейчас мне двадцать шесть, и я шаманю машины посерьезнее, с перерывами на мысли о том, что надо принять таблетки и записаться к врачу. Прокладка между рулем и сиденьем определенно подсохла.

Наконец очередь дошла до меня. Кассирша устало выдала:

— Здравствуйте. Пакет нужен?

— Не, мы с рюкзаком. — Я показал на свой видавший виды заплечный мешок с надписью «Toyota».

Она слабо улыбнулась, как будто уголки ее губ поднимали лебедкой, которой обычно вытаскивают застрявший в грязи КамАЗ. Ничего нового.

На пачке сахара сканер сработал два раза. Есть побитие… Кассирша вздохнула и нажала на кнопку, раздался тихий звоночек. Хорошо хоть, никаких «Галя, у нас отмена!» на весь магазин. А то уже тошнило от балагана, и я тут же вспомнил любимую фразу шефа: «Сделаешь как надо, а как

не надо, я тебе сам покажу». О, да, он может, умеет, обладает.

К кассе протиснулись те самые бабы с тележкой, набитой под завязку бутылками с вином. Моя верхняя губа предательски дернулась. Не хлоркой, так спиртягой чистку проводить собрались. «Спокойствие, только спокойствие», — прозвучал в голове голос толстяка с пропеллером.

Я напрягся, хотел натянуть капюшон толстовки на голову, но передумал. Лишнее внимание к своей персоне не нужно. Меньше всего я хотел, чтобы мне прополоскали кости в дешевом пойле. Фу. Кто угодно, только не они. Я пересчитал камеры под потолком. Девять. Я держу себя в руках-ногах-зубах. Руки автоматически потянулись за телефоном, но там гребанные ноль процентов. Когда уже придумают зарядку от кармана?

Очередь за бабами набирала длину. В нос ударил запах кимчи. Корейцы завезли деликатес или чьи-то носки растеряли последние баллы свежести. За что с моим носом так?

Не спеша я складывал покупки в рюкзак, как заядлый игрок в тетрис. Наконец появилась администратор — Наталья Петровна, судя по бейджу. Она скинула двойное пробитие и испарилась с легкостью бензина. Кассирша отчеканила сумму. Я достал карту лояльности. Пилик. Люди сзади выдохнули: ну наконец-то.

Я потянулся за кошельком. В кармане пусто. Стоп… Во втором — то же самое. Где он? Осмотрелся по сторонам —

вдруг выронил, пока ходил между рядами? Исключено.

Кассирша поправила волосы с таким видом, будто я отнимаю у нее лучшие годы жизни. Из очереди долетел хмурый вопрос:

— Скоро там?

— Сейчас, — буркнул я, продолжая лихорадочно ощупывать джинсы.

Надо срочно вспомнить сборы. Давай, Артур. Купюры я точно пересчитал, в кошелек засунул, а дальше? А дальше головной ЭБУ выдал глухую ошибку тринадцать. Мой внутренний двигатель крутился, но связи нет. «CHECK» горит, проводка замкнула. Какого числа засунул? Какого цвета провод?

— Может, если денег нет, то отойдешь в сторону и не будешь задерживать людей? — процедила одна из баб.

— Может, мне еще штаны снять для убедительности? — съязвил я, продолжая ковыряться в недрах своего мозга: проверил рецепт на лекарство, вернул его в кошелек, а потом...

— Хам!

Кассирша, похоже, тоже устала от местного бардака:

— Давайте без ругани, ладно? Молодой человек, не торопитесь, ищите. Остальные, кому горит, могут пройти на соседнюю кассу.

— И что мне, все обратно складывать?! — возмутилась дама, показывая на гору бутылок.

Люди в очереди начали перешептываться. Это «бжж» неспроста. Сейчас начнут меня жизни учить.

— Давай шустрее!

— Тебя забыл спросить. — Я заглянул в карман рюкзака, тоже ничего. Сперли, значит!

— Да что ты себе…

Я резко обернулся в полной готовности вывалить неприкосновенный словарный запас автомеханика, но кассирша вдруг громко сказала:

— Все! Сейчас охрану позову!

Все заглохли. Мой рюкзак, оставшийся без поддержки, грохнулся на пол. Мои пончики… Я нагнулся поднять рюкзак — и из капюшона толстовки шлепнулся на пол мой кошелек.

Точно! Я проверил деньги, рецепт, а потом кошелек кинул в капюшон, чтобы не забыть. И забыл… но в другом смысле.

«Черт знает, что будет дальше», — пронесся в голове голос Карины. Я мотнул головой. Записывать, видимо, уже все надо. Чуть слабину дашь, и все — крути пропало.

Пока все молча пялились на меня, я быстро расплатился.

— Спасибо за ожидание! — Баба с тележкой поджала губы.

— Обращайтесь, — буркнул я, забирая чек. Больше никаких капюшонов. Есть же левый карман на замке, вот и надо всегда туда кошелек класть. Я схватил рюкзак и поторопился к выходу, услышав вслед лишь тихое «обнаглели уже

совсем». Закатил глаза.

Из громкоговорителя донеслась знакомая мне шарманка:

— Минздрав предупреждает: неконтролируемые эспиэн-ассоциированные проявления могут быть опасны для вас и окружающих! Строго соблюдайте режим приема стабилизаторов и...

Я вышел из магазина, цедя сквозь зубы:

— Помню я, помню. Не враг себе.

Нужно сконцентрироваться на работе. По плану три машины. Не густо, но и не пусто, точно скучно не будет. Из-за сегодняшнего визита к врачу мне придется пахать в ночь. Клиентам нужны рабочие машины побыстрее, мне побыстрее нужны монетки.

С первыми двумя все проще простого — можно одним глазком смотреть «Denis МЕХАНИК», а вот третья… В рабочем чате ее описали как «полная жопа». Интересно, чем на этот раз «порадуют»?

2

Я заглянул в ремзону. Повеяло прохладой. Дух машинного масла и бензина обнял мое лицо. Взвизгнул гайковерт. Картонов еще копался в стареньком микроавтобусе. Больше никого.

Просочившись внутрь, я лавировал между валяющимися инструментами и запчастями. Опять свинарник устроили!

Кто-нибудь хоть раз додумается убраться? Или только я тут уборщик!?

До лестницы в бытовку оставалось несколько метров, но мой взгляд зацепился за смотровую яму. Вместо скромной Фольксваген-Поло там восседал автомобиль шефа — ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО Мерседес-Кабан! Ноги сами понесли меня к яме. Я притормозил в паре шагов, залюбовавшись линией капота и трехлучевой звездой на прицеле. Настоящий мастодонт! В свои почтенные годы он излучает столько харизмы, что меня сносит. Вес, мощь, стать — вот какие слова должны приходить в голову при виде настоящего автомобиля, рожденного в эпоху, когда инженеры ценились больше маркетологов. При должной заботе — бессмертные тачки! И забота о них чертовски прибыльное дело.

Я подошел к Кабану и погладил левый поворотник:

— Приветик, старина. Что барахлит?

Лысая шайба Картонова показалась над бортом микроавтобуса, и он просипел вполголоса:

— Хорош с тачкой целоваться! Тебя шеф видеть хочет.

Реальность вернулась ударом под дых. Я поморщился.

Картонов мне никогда не нравился за свою бездушность к работе. Каждый раз я посылал его куда подальше, но сейчас не успел, потому что раздался вопль шефа из кабинета:

— Громов! Сюда! Бегом!

Я закатил глаза, но все же поплелся в типа кабинет, но по факту — комнатушка, избитая до состояния сортира.

Шеф сидел красный как рак, сжимая накладную. Воняло потом и парфюмом похуже тройного одеколона. Заметив меня, он смял бумагу, швырнул в ведро, а потом сказал спокойным голосом:

— Привет, Артур.

Я кивнул в ответ и спросил:

— Что с Кабаном?

Шеф снял очки и потер глаза:

— Короче… дело к ночи. Продавать буду свою ласточку, поэтому приведи все в порядок. Можно не прям сейчас, но постарайся побыстрее.

У меня кольнуло в груди.

— По-оня-ял...

— Цену нормальную накрутим, да и тебе, само собой, подкину. Глядишь, и поправишь себе… кое-что. Все. Чеши работать!

Я крутанулся к выходу.

— А, задержись! — воскликнул шеф, я подчинился, глянув через плечо.

— Передай Тихонову, что я его прибью, если он опять заклинит автомат своими фальшивыми монетами! Я из-за него каждое утро ковыряю этот ящик отверткой ради глотка кофе. Задрал уже, гений хренов.

Вздохнув, я запрокинул голову назад. Ромыч как всегда... И тут ничего нового.

— Я его еще терплю только потому, что он тебя привел!

Хоть одна толковая башка.

— Хорошо-хорошо, проведу с ним воспитательную беседу…— сказал я, выходя из кабинета.

Ромыч — это Ромыч. Диагноз.

Но сейчас душа у меня болела совсем о другом. Последнее свидание… Звучало как приговор. Я вернулся к яме, где стоял Кабан, и снова погладил поворотник. Сколько времени мы провели, старина… Буду скучать, поэтому надо сегодня оторваться на всю катушку.

Я вдохнул полной грудью, почувствовав привычный дух технических жидкостей, и двинулся в раздевалку. В ней стоял смрад, будто в одном из шкафчиков неделю мариновали скунса. Фу! Можно же хотя бы иногда рабочую одежду в стиральную машинку кидать? Переодевшись в спецовку, я достал свой чемодан с инструментами. Оставь без присмотра — растащат же!

После похода в магазин, голова у меня начала подвывать так, что хотелось повеситься. Или кого-нибудь повесить. Например, Картонова. Я нашел градусник в рюкзаке и засунул его под мышку, по пути поставил телефон на зарядку. Писклявый сигнал градусника внес ясность: тридцать восемь и девять. Ядрены пассатижи! Я судорожно полез за таблетками. И выдернул баночку с надписью: «Адаптометрин Термогенный АТГ-7». Я закинул в рот две последние таблетки и запил их молоком. Горло обожгло горечью, но пить эту дрянь — жизненная необходимость. Скоро станет легче. Завтра в

аптеку вприпрыжку и вприскочку, но в первую очередь, надо сделать Полку, ее утром уже очень хотят забрать. Прям очень. А я хочу, чтобы мне деньги капнули на счет. Прям вот очень.

Лекарства-лекарства... Черная дыра в моем бюджете, потому что я победитель по жизни. Бесплатные препараты не подошли, и я вынужден покупать нужные за свои кровные и маслянистые. Здесь я весь такой крутой мастер-фломастер на все тачки, а своей машиной пользуюсь, только когда прижмет сильно и для поездок к матери, чтобы она не думала, что у меня с деньгами полный банан. Продам я свою девочку, только если в обмен избавлюсь от болезни. Не иначе.

Закончив с переодеванием и лекарствами, я приступил к разбору покупок. И тут — БАЦ! — как колесом по башке: туалетной бумаги нет! Обрушив тонну ругани на головы теток, испортивших мне настроение, я потащил свой ужин в бытовку.

Крошки со стола — долой взмахом руки! Каша из пончиков ранила в самое сердце. И их, и творог — в холодильник, на почетное место. Еще немного молока, чтобы добить остатки фармацевтического апокалипсиса во рту. Я несколько раз глубоко вдохнул, стараясь унять тошноту, и скривил рожу, достойную мема.

В бытовку ввалился Картонов с миной побитого кота и подошел к раковине. Зашумела вода. Я слил содержимое своей кружки в горшок с кактусом Кузей. Кузя, к слову, на та-

кие удобрения никогда не жаловался — хороший парень. Я включил чайник. Красный чайник, на который шеф налепил наклейку с логотипом феррари, типа «дорого и богато». Сморщилась она до состояния «дешево и сердито» буквально за пару дней.

Картонов мыл руки, что-то бурча себе под нос, а потом выдал:

— Как дела?

Я чуть не поперхнулся. Как дела? И Картонов? Ситуация напомнила внезапный индикатор масла на ночной трассе. Не к добру его любезности…

— Чего надо? — Я поставил молоко на стол.

— Спросить уже нельзя?

— Говори быстро. У меня работа.

— Да тут такое дело… — вздохнул он. Я молчал, чувствуя, как мое терпение закипает вместе с чайником.

— Да рожай уже.

— У мелкой температура под сорок. Сопли, понос, кашель — полный набор, короче. Жена с ума сходит, не спала больше суток.

Я посмотрел на Кузю, как на единственное адекватное существо во всей шарашке. Опять рубрика «сопливые истории». Чуть нахмурившись, я спросил:

— И?

— Домой мне надо. Че непонятного-то? Только вот автобус… Выручи, а? — Он умоляюще посмотрел на меня сво-

ими глазами навыкате.

— У меня у самого дел пол-Китая перекопировать.

— Да там от силы работы на час осталось, не больше, — затараторил Картонов, не желая отступать. — Тортик принесу! Какой захочешь!

Я закинул в кружку чайный пакетик.

— Время — деньги, Картонов. Ты же знаешь, — ответил я, глядя ему прямо в глаза. Его лицо вытянулось, словно резиновое:

— И сколько?

— Бумажку с Хабаровском клади на бочку, и сделаю все в лучшем виде.

Чайник издал щелчок. У Картонова отвисла челюсть:

— Да ты охренел! Ты как барыга базарный, ей-богу!

— А че ты хотел? У меня лекарства стоят как гайка от Феррари. И не не от такого. — Я показал на чайник. — Че непонятного-то?

— Громов, ну будь другом.

У меня глаз дернулся. Серьезно? Он кристально тупой?

— Кругом не насру.

— Да это здесь при чем?!

— Бекоз-кокос. — Я качнул головой, как болванчик. — Отвали, короче.

— Да пошел ты к черту! — рявкнул Картонов и хлопнул дверью так, что задрожали висящие на стене плакаты с голыми девками. Прекрасно! Ближайшую неделю он со мной на

одном квадратном метре дышать не сядет. Тоже мне счастливый отец. Нет, может, конечно, у него действительно беда-бедовая, но у меня работы реально дофига, и башка трещит. Мне его проблемы нужны ровно так же, как второй руль на машине.

3

Картонов, поливая руганью всех богов корейского автопрома, выкатил автобус из бокса спустя два с половиной часа. Для него и вправду — скорость света. Он уехал, оставив за собой шлейф бензина, мата и дикого рева своего Калдоса с пробитым глушаком. Я же успел закончить с Полкой. Между делом я проверил другие узлы в машине и нашел течь масла на коренном сале. Неплохо, глядишь, будут еще монетки. Не фальшивые. А пока диски проточенные, колодочки новенькие, шланчики целехонькие. Прокачать тормоза в одну физиономию — квест на три звездочки. Но когда никто не стоит над душой, все идет как по маслу. Погонял машину туда-сюда: тормозит на твердую пятерку. Молодечик. Я.

И теперь, когда все свалили, можно врубить свою музычку. Раз уж Кабан заехал вне очереди, а ему можно, то грех не воспользоваться его акустикой. Звучит немецкая колесница намного приятнее, чем рассыпающийся музыкальный центр, который хрипит на частоте умирающего тетерева. «Psychosocial» — идеальный саундтрек к моим собствен-

ным «Суровым будням на орбите автосервиса». Я заорал во всю глотку с Кори Тейлором и похлопал себя по коленям, типа они барабаны. Когда врубаешь такое, то все плохое уходит на второй план. Только драйв, только энергия! К черту Картонова и телок из магазина! Есть только звук металла и механическая симфония, в которой я — главный дирижер.

В следующей тачке — Сузуки-Солио все оказалось хуже, чем предполагалось. Когда я открыл дверь, то чуть не заорал. В салоне — гадюшник, который лучше бы не видеть никому. Особенно мне. Пришлось приложить титанические усилия, чтобы сесть за руль, не выбросив весь хлам к чертовой матери: пустые банки от энергетиков, выдохшиеся вонючки, крошки всего на свете. Одним словом — помойка! Фу! Ну нельзя же так относиться к машине, даже если она сделана из пластика и на автомате! Для многих колеса — всего лишь средство доставки бренной тушки из пункта А в пункт Б. Кому сейчас нужна душа?

Загнав Солио на подъемник, я увидел надпись на рычаге: «Пантеон павших ключей». Крепеж прикипел намертво и превратился в сущий «падлоалюминий». Я щедро посыпал его матами — не прокатило. Предыдущим механикам улетели пожелания... да чтоб их через кардан, но ладно уже.

Спецжидкости тоже оказались бессильны. Место еще крайне неудобное, с инструментом не подлезешь. Но моими руками получится намного аккуратнее и быстрее. Тачке и без того досталось.

Ухватившись покрепче за упрямый болт, я представил его как врага — упертого, злобного, не желающего сдаваться. Нужно сломить его, превратить его упрямство в пепел. Это я могу.

Под кожей прокатилась волна колючего жара. Пульс набрал обороты. По венам забегали огненные всполохи. Я стиснул зубы, еще сильнее вцепился в металл, считая до трех, и задержал дыхание. Когда убрал руку, шляпка болта раскраснелась от моей нежности.

Отдышавшись, я вытер пот со лба. Капелька масла — и болт пошел по резьбе как миленький. Не на того напал, Козявыч!

Выкатив Солио на улицу, я глянул на часы — четыре тридцать. Потихоньку светало. Начался долгий мелкий дождь, но точность прогноза в Хабаровске всегда под вопросом. Морось легко могла обратиться в ливень или остаться на низком старте. Да и пускай. В моей голове еще бурлила ураганная смесь из криков, барабанов и гитарных запилов. Музыкальный зонтик надежно спасал меня от ежедневных осадков из идиотов.

Следующая на очереди — Хонда-Ашэр-ви. Тоже хрюшкообразное, только японское. Она — настоящий полигон для испытаний. «Полная жопа» оказалось слишком щадящим описанием для нее. Я выпал в осадок. От проводки в машине остались жалкие огрызки. Вырвано все, что можно вырвать.

Кажется, в машине похозяйничала голодная псина. И судя по клочкам шерсти, разбросанным по всем сиденьям, и поводку с огромным карабином — в пассажирах числилась мясорубка на лапах, вроде соседской кавказской овчарки. Я невольно почесал икру, где под штаниной прятались следы от знакомства с собакой. Ладони стали холодными и влажными, сердце яростно застучало барабанной дробью. Хотелось просто закрыть дверь, а потом сказать хозяйке транспорта, что здесь проще купить новую машину, и уйти в закат, сохранив свои нервы в оплетке. Да только не слишком нервы мне помогут, если я останусь без денег.

Че-ерт...

Я заставил себя сделать первый шаг. Во мне все сопротивлялось, но никто это «все» не спрашивал. Пошел! Сейчас собаки нет — факт. Сначала нужно продефектовать косы, а потом по списку. Запах псины постоянно сбивал с настроя, заставляя проверять все по несколько раз.

Выбравшись из машины спустя час с трясущимися руками и холодной испариной, я имел представление о масштабе катастрофы и списке необходимых разъемов и кусков проводки для восстановления.

Меня одолела зевота. Нужна скорая чайная помощь, а потом быстренько покушать. Сожрав все до последней крошки, я перешел к десерту в виде рабочего плана с новыми силами. Держись, Кабан, я облазию тебя целиком и полностью!

Каждое прикосновение к кузову, к выверенным линиям,

вызывало у меня мальчишеский восторг. Инженеры — гении, спору нет! Под капотом порядок, любо-дорого смотреть. Я наводил! Двигатель урчал ласково, как кот на печке. К механике вопросов нет. В подвеске есть, что поменять и подкрутить, но без фанатизма. Кузов можно полирнуть, чтоб сиял, но тут пусть босс решает. Важно, что гнили нет. Закончив с осмотром, я похлопал Кабана по крылу:

— Ты просто космос! — И подмигнул фаре.

Тяжелый гаечный ключ со звоном упал на бетонный пол. Сердце тут же подпрыгнуло к горлу и осело на свое место.

— И тебе привет, — пробормотал я, поднимая инструмент. — На место надо было класть, знаю. Больше не брошу, не ругайся.

Я аккуратно положил ключ на место и перешел к осмотру салона. После шефа всегда приходилось повозиться, чтобы вернуть водительское сиденье в адекватное положение. Ну, что поделать, большому человеку нужно много пространства. Я накрыл сидение чистой тканью и уселся как в уютное гнездо, поясница тут же растеклась. Комфорт на максималках. Правда, левый руль — не моя тема. Побочный эффект Дальнего Востока.

Салон Кабана не выглядел новым, но его не запускали. Все лампочки и кнопочки работали по фэн-шую, обеспечивая идеальный порядок. В кармане сиденья я нашел потрепанный кожаный брелок. На нем выгравирована буква «К», витиеватая такая.

«Карина», — слово влетело в мою голову на первой космической. Я почесал свой букет из гаечных ключей и роз на плече, который она мне набила. Следовало сразу распознать в ее работе тревожный звоночек. Делать больно. Зачем я тогда вообще согласился стать ее холстом? Как назло, в голове заиграла «Snuff». Да ядрены пассатижи! Я швырнул брелок в бардачок. К черту... Совсем уже себя не контролирую. «Завтра точно в аптеку», — мелькнуло в голове, прежде чем сонливость накрыла с головой.

Засыпать я не собирался. Еще же работы выше крыши, но Кабан будто притягивал, обволакивая теплом и уютом. Здесь, в старой немецкой «броне», мне стало… спокойно. В царстве тихой силы я и уснул.

4

— Громов, да чтоб тебя черти в ладе возили!

Вопль Ромыча врезался в мой проржавевший мозг, словно болгарка в металл. Я подскочил и со всего маху приложился макушкой о боковое стекло, сматерился, ухватившись за больное место.

— Прости-прости! — Ромыч прикрыл рот рукой. — Сильно ударился?

Я помотал головой и тут же пожалел. Серое вещество колыхнулось и требовало любой ценой вернуться в тот манящий, прекрасный мир забытья, где Тойоты-Селики пасутся

на бензоколонке. Пахнуло кофе. Ромыч аккуратно похлопал меня по плечу, я дернулся, промычав:

— Отвали.

— Бу-бу-бу… Давай, соня! Подъем! Я тут это… — сказал он и понизил голос до шепота. — Шоколадки принес. Тебе ж жрать надо, а то совсем закоксуешься.

И Ромыч прав. Он меня, конечно, периодически раздражал своей «прыгучестью» на ровном месте, но я ценил его за то, что он не отвернулся от меня, когда мне поставили диагноз.

Потерев глаза, я зевнул во весь рот. Челюсть издала тихий хруст. По ощущениям, моя физиономия знатно отекла. Не самая страшная побочка от стабилизаторов. Я попытался открыть дверь, но не получилось. Руки не слушались абсолютно, будто чужие. Пришлось откинуться на спинку в ожидании, пока проснутся пятиконечные конечности. Windows XP и то быстрее грузится. Пахнуло кофе. Ромыч провел рукой по своим соломенным волосам и положил ладонь на мое сиденье:

— Ты чего Картонова вчера так жестко отбрил?

— Потому что мне в бензобак нассали.

— Это, безусловно, аргумент. — Он отпил из бумажного стаканчика.

— Да делать мне больше нечего, как горбатиться за других просто так. — Я отвернул голову к окну.

— Нет, я тут тебя полностью понимаю и двести двадцать

раз поддерживаю, но…

— Он тебе нажаловался, что ли? — Я поморщился.

— Ну… Назовем это… Поделился.

— Ну и баба.

— Ладно-ладно. — Он показал пустую ладонь. — Картонов действительно склонен садится на шею. Просто натура он чувствительная и...

— Ром, отъебись. — Я сжал и разжал кулаки. Проснулись руки, наконец-то. Пора валить, пока мой мозг не лишили девственности. Открыв дверь, я вылез из машины. Перед глазами поплыли мушки. Пара корявых шагов — и мне пришлось оперся на капот Кабана. Затекло все к чертовой матери. Проклятье. Еще не хватало тут разложиться на запчасти. Ромыч подскочил ко мне с тревожным таблом, но трогать меня не стал.

— Может, присядешь? А то что-то ты совсем как тряпочка.

Я напрягся и оставил спасительную опору в виде Кабана.

— Насиделся уже.

— Слушай, если хреново, то давай ты домой лучше дуй, я тут доделаю, ты только скажи что.

— Ромыч, давай не надо. Тебя шеф и так прибить хочет.

— А че я сделал-то? — Он отпил кофе из стаканчика, вытаращив глаза.

Я глянул на приятеля, как на кота, который никак не приучается к горшку.

— Сходи и принеси мне кофе. Только нормальные деньги в автомат кидай, а не свои фальшивые шайбы, из-за которых его опять заклинит.

— Раньше никто не жаловался, и все работало, — огрызнулся он.

— Ты меня понял.

— Да понял я, понял…

Я молча кивнул, зная, что один пень все повторится в скором времени.

Под кожей будто шоркали наждачной бумагой. Часы в виде автомобильного колеса показывали восемь пятнадцать утра. Отлично, время есть... чтобы стать бодрым и полным сил, как зайчик-энерджайзер, хотя бы в мечтах. Я побрел в бытовку на ватных ногах. Ромыч к кофейному автомату. Пока я умывался, он принес кофе и накидал на стол сникерсов. Когда я сел за стол, Ромыч спросил:

— Громов, что делать, если сорвал датчик АБС на лансере? Я тут это… Без тебя никак, короче.

Вздохнув, я издал звук сдувающегося шарика. Опять двадцать пять. Старина Ромыч — мой персональный крест. И мотивация. Столько лет вместе, а каждый раз одно и тоже.

— Руки из жопы доставать. Срочно.

— Это безусловно, а дальше что?

— Ром, ну, твою ж… На Лансерах датчики же почти всегда прикипают. Шайбы придумал для кофейного автомата, а вэдэшкой побрызгать мозгов не хватило?

— Не хватило…

— Пу-пу-пу, — выдохнул я и заставил себя не орать, а говорить по делу. — Что конкретно запорол? Датчик-то, понятно, в утиль, раз ты его сорвал. Гнездо, куда он вставляется, расковырял?

— Ну… сам датчик я выбил по кускам. А вот маленький болтик, который его держит, обломился внутри. Я попытался выкрутить этот обрубок выкруткой, но она, сука, тоже сломалась прямо внутри болта! И теперь намертво там сидит…

Я подтянул к себе стаканчик с кофе, подпер голову рукой. Умудриться сломать ключ в замке, а потом засадить туда еще и обломок открывашки. Комбо. Космический идиот. Этот кот точно к горшку никогда не приучится. До сих пор не понимаю, как он закончил техникум. Убрав руку, я начал выкладывать базу:

— Ромыч, застрявший экстрактор — это ж каленый металл, его теперь обычное сверло не возьмет! Надо вытравливать кислотой или высверливать пером, нарезать новую резьбу под болт побольше, а гнездо под датчик выравнивать шкуркой. Иначе новый датчик встанет криво, и тормоза будут сходить с ума.

— Лучше девушка без писи, чем машина митсубиси.

— Руки из жопы и обе левые — страшное явление.

— Помоги, ну пожалуйста, пока я на ступицу в сборе не влип.

— Тренируйся давай! Ты как тачки чинить будешь? Клиентам будешь говорить, что «у Громова выходной»?!

— Ну, покажи, а? Я раньше такое не делал! — Ромыч мастерски изобразил вселенскую скорбь.

— На пары ходить не пробовал?

— Ну-у… — протянул он, сам прекрасно зная, что на парах он предпочитал спать. И в лучшем случае на парте.

Я насыпал себе четыре ложки сахара в стаканчик и взял шоколадку.

— Ладно…

С Лансером пришлось знатно попотеть. Доставать обломок каленого инструмента из застрявшего болта — ювелирная работа. Но новый датчик все-таки дешевле ступицы в сборе. Исправляя косяк Ромыча, я попутно объяснял ему, что к чему. И о чудо: вместо фиксации процесса на телефон включились уши, кивки и встречные вопросы. Аж похвалить захотелось, но решил, что не стоит.

Потом Ромыч рассказал мне про ограбление банкомата, недалеко от его дома. Любитель собирать все сплетни про эспиэнщиков. Лучше б что хорошее собирал… Например, вываливающиеся гайки из своей Импрезы. У него же легенда ралли, Ромыч превратил ее в «сралли». Фу! Впрочем, не мое дело. А вообще из-за идиотов, промышляющих преступностью, скоро у таких как я вообще ходу не будет. Интернет страшно открывать.

Через час появился Дмитрий, поздоровался и ушел рабо-

тать. Тихо и молча. Такой стиль общения устраивал нас обоих.

Вернувшись к Кабану, я осмотрел его еще раз, выписал шефу рекомендации. Позвонил хозяйке Ашэр-ви, все обсудили, заказал запчасти. За Полкой владелец явился как по часам — запахло деньгами. Вовремя. Хозяин машины с течью масла уехал, пообещав вернуться. Ну, ждем, Карлсон.

Зазвонил телефон, я снял трубку.

— Здравствуйте, Артур. Это Тойота-Раум вас беспокоит, — раздался женский голос.

Я сразу его узнал. Девчонка странная, но всегда мне чокопайку приносит, когда тачку забирает. Машина же у нее как ослик Моисей. Даже предположить не могу, что она в нем возит. Мешки с кирпичами, не иначе. Прочность букв Toyota у этого Раума просто зашкаливает.

— Узнал-узнал, конечно. Что случилось?

— Обороты высокие и не падают после прогрева. Ревет со страшной силой, аж соседи шарахаются.

Я примерно прикинул, в чем может быть проблема, угукнул в ответ.

— И в подвеске чего-то стучит, но я недавно в та-акую ямку влетела.

— Разберемся. Завтра в семнадцать подъехать сможете? — Я зажал телефон плечом, чтобы взять бумажку с писалкой.

— Могу! А, стоп! Вы где сейчас работаете?..

— Давайте я вам напишу все в мессенджер.

— Ага. Спасибо. До свидания.

Я сбросил. Все как обычно. Адрес сервиса отправил сразу с указанием времени и пошел сматывать удочки до дому, до хаты.

В раздевалке Ромыч ковырялся в куче старых запчастей, напевая отрывок одной и той же дурацкой, липучей мелодии. Назойливый мотивчик сверлил мозг ржавым сверлом.

— Cheri, cheri lady…

— Нахрена ты это поешь?

— В смысле? — Ромыч непонимающе захлопал глазами, а потом отмахнулся — Да настроение хорошее! Смотри, че есть.

Он гордо потряс пластиковой коробочкой размером с пачку сигарет. Я покосился на артефакт. Кассета. «Modern Talking». О, нет! Только не это. Уж лучше в самом диком слэме под барабаны Клоуна порваться, чем такое слушать...

— Ммм, — протянул я, качнув головой. — Неплохо.

— У меня таких целый багажник, нашел в гараже бати, — просиял Ромыч. — Ностальгия-ностальгия… Короче, хочу магнитолу от легася найти и…

— Ром, я устал.

Он моментально сменил выражение лица. Вместо дурацкой радости в его глазах появилась искренняя тревога.

— Блин, Артур, прости… Ты это… домой давай, в общем. Отлежись. А я тут сам как-нибудь.

— Ага, давай.

Не дожидаясь ответа, я вылетел из раздевалки. Подальше от «Modern Talking».

Cheri, Cheri Lady…

А ну брысь из моей головы!

Я рывком распахнул дверь на улицу, и тут же меня окатила волна удушающей июльской жары. Запах раскаленного асфальта и бензина ударил в нос. Бесит! Хочу домой. Черт бы побрал Ромыча с его внезапной любовью к дискотеке восьмидесятых.

В ход пошли наушники, словно спасительные гайки. Моя музыка выбила из головы слащавый мотив с плоскими синтезаторами мощным пинком под зад, оставив после себя только густую, обволакивающую усталость. Именно то, что сейчас и нужно.

Завтра будет день, машины и приключения Ромыча за пятую точку. Но сегодня... Сегодня я просто хочу добраться до своей постели. Лечь. И вырубиться часов на двенадцать. Без сновидений.

Бумажка на витраж

1

Табло «Радости» (в народе — «Гадости») издевательски констатировало перегрев. Липкий, как карамель, воздух — визитная карточка местного лета. Июль выжимал все соки. Хоть я сейчас чуть легче переношу жару, но дышать-то все равно нечем. Стабилизаторы превратили меня в ходячий яд для насекомых, но лучше бы я никогда не притрагивался к подобным составам.

Под мостом, на парковке спала она. Моя Селика. Самая лучшая девочка в мире. Камеры видеонаблюдения надежно охраняли ее покой. Подойдя к ней, я коснулся ее закрытого «глаза». Черный металл отозвался теплом в душе. Да, машина не новая, зато родная. Блеском лака уже не пахло: царапины на кузове, подбитый стопарь, едва тронутые коррозией пороги.

Зато под капотом она идеал. Мой идеал. Своими руками свапнул ей двигатель с коробкой и тормоза от Сельсиора. Пушка, а не тачка.

Я еще немного постоял с ней молча, а потом поплелся дальше, периодически оборачиваясь, чтобы увидеть строгие

изгибы снова. У надземного перехода я чуть столб не обнял. На красивые машины у меня взгляд всегда прилипает, тут ничего не поделаешь. Законы физики и эстетики — они такие.

Возле перил надземного перехода я остановился. И вообще, какого числа и цвета Ромыч называет надземный переход виадуком? Надземный переход — это надземный переход, а виадук — это виадук.

Дышать приходилось смесью раскаленной дорожной пыли и бензиновой гари. Настоящий аромат тупика. Рядом висел поплывший от жары баннер с надписью «РОКОМАНИЯ». Ниже красовались логотипы «Metallica» и «Led Zeppelin». Все в молниях. Пафос. Ощущение такое, будто музыканты случайно промахнулись городом по дороге на Плутон.

Я зажмурился, пытаясь поймать фантомную вибрацию баса в груди и представить ревущую толпу. Мозг выпалил первые аккорды «Enter Sandman».

Открыл глаза, взгляд упал на строчку ниже, и музыка в башке заглохла.

Всему виной подпись в самом низу:

«При поддержке Министерства Здравоохранения и Программы Жизнь с SPN».

И слоган:

«Контролируй SPN — контролируй жизнь».

Ага, разбежались! Лучше бы они замену катализаторов

спонсировали. Я тяжело сглотнул. Контролируй, контролируй... Таблетки, врачи, бесконечная беготня с градусником и тетрадкой. Работа — дом — аптека. Замкнутый круг без обратной связи.

Музыкальный настрой испарился. Свернув наушники, я сунул их в джинсы и пошел по ступеням, борясь с подступающей к горлу одышкой.

Из-за поворота долетел нарастающий рев мощных движков. Все ясно, мажоры развлекаются.

Точно, свадебный кортеж. Белые Крузаки, облепленные лентами и кольцами в стиле новогоднего ширпотреба. Бешеный вой клаксонов закладывал уши. Вся эта показуха гарантировала только скорый развод и алименты. Машины пролетели мимо, обдав меня волной горячего воздуха.

Зачем-то вспомнил Карину. Опять… Нафига? Она замуж не хотела, да и я жениться не торопился. Зачем? Если и так хорошо. Отношения не должны держаться на «свадебном герметике». Сейчас она выкладывает сторисы с новым кренделем, пишет про «все серьезно». Ну и хрен с ней! Скатертью дорога. Ей — герметик в зубы, а я лучше буду масло в движках менять.

Перейдя улицу, я свернул вглубь дворов. Сбоку завыл ребенок. Я обернулся: девчонка встретилась коленками с асфальтом. Мать бросилась поднимать ее, гладить по голове. В груди прошла судорога, будто на ходу скинули клемму с аккумулятора. Передернуло. Я мотнул головой. Прочь отсюда,

подальше от чужих нежностей. Моя цель — аптека.

Внутри нее пахло лекарствами. Прохлада кондиционера помогла вдохнуть полной грудью. Настоящий антифриз для перегретой башки. У окошка я положил рецепт на стойку. Провизор, молодой парень, изучил листок с прищуром, лениво щелкнул по клавиатуре и произнес будничным тоном:

— Базы термогенной нет.

Мозг на секунду завис, отказываясь принимать услышанный бред. Потом внутри сработал аварийный клапан.

— Как это нет? — спросил я, едва выдавливая слова. — Это ж не витаминки, мать вашу!

Провизор поджал губы и произнес:

— Идите в аптеку на Комсомольской площади. У них точно есть.

Отличное предложение! Особенно после двенадцати часов пахоты кряду. «Идите», ага, как в отпуск! Да пошли вы на… Да никуда нахер!

Я схватил рецепт и шагнул к дверям. Уже у самого порога провизор окликнул:

— Молодой человек! Вам купончик положен, кстати.

Он протянул яркий флаер «РОКОМАНИЯ». На нем симфонический оркестр усердно пытался изобразить что-то рокерское на скрипках. Я машинально цапнул бумажку, буркнув «спасибо», и вывалился на раскаленную улицу.

Контролируй-контролируй, ага, конечно, аж два раза. Скидка пятьдесят процентов на билет. Да пошли вы, мне за

свою будку платить и так нечем!

Я смял дурацкий листок, занеся над урной, но в последний момент рука замерла сама собой. Харкнув в ведро, я запихал флаер в карман и вздохнул.

Придется тащиться на Комсу…

Мало того, что бесплатно лекарства не дают, так еще и переться черт пойми куда! Да чтоб вас всех через кардан! Совсем уже по фазе двинулись!

2

Решил резать через пруды. Воздух там полегче, не так душит. Расклад самый настоящий попкинс вери бэд: две ноги, горячая брусчатка, пять остановок. Надеюсь, что колеса по дороге не скину. Дебильный квест! В кровать охота. Срочно.

Я вернул музыку в уши. Из наушников полез хриплый шепот. Слова вроде знакомые, а вокал чужой. Звук попер вверх, перешел в рев. Кавер на «Slipknot». Ну не-е-ет… С музыкой хреново, без нее еще хуже. Сил переключать трек нет, пришлось терпеть. Главное — держать ритм. Он долбил по затылку, как молоток, ноги сами переставлялись. Чистый автопилот, выжимающий последнее, как Приус на дохлом аккумуляторе. Взглядом я лениво собирал дорожную шваль: трещину под ногами, облезлый плакат с улыбающейся харей, собственную тень. Шаг, еще шаг. Музыка то била волной, то откатывалась. В висках пульсировало. Но я шел.

У дороги зацепился глазами за старую церквушку из красного кирпича. Она торчала прямо под боком у махины «Платинум Арены». Футуристичное сооружение жестко подминало старинное здание, но то все равно стояло особняком, будто часовой на заброшенном посту.

Меня привлекли пустые темные окна на втором этаже. Высокие, стрельчатые. Туда бы цветной витраж воткнуть. Не икону, а просто цветное стекло. Было бы прикольно. А сейчас… голые проемы. Черные дыры. Фу.

Проморгавшись, я прогнал наваждение из калейдоскопа фантазий. Хватит тратить заряд на разглядывание чужих окон. Передохнул и хватит. Я прибавил ходу. В кармане джинсов хрустел дурацкий флаер…

Укол надежды

1

Лестница. Я тащился домой на последних процентах. Час туда, час обратно. По духоте. Еще полчаса тупого ожидания, пока таблетки искупают в растворе. И вот он, итог. В кармане заветная банка контроля и дурацкий флаер. А я — отработка. Заглянул в почтовый ящик. Пусто. Захлопнул.

Сквозь музыку в наушниках пробился чей-то бешеный ор за бортом. Да за что мне это все, ядрены пассатижи?! Сдернул затычки — и в черепной салон ворвался дикий, истошный крик.

— … сказал! В шкафу автомобильным колесам не место!

— исходил наговно сосед. Разорался, как хозяин элитного жилья с панорамой на Амур, а сам сидит в такой же конуре. Точно, лучший финал моего дня. Слет «битых и крашеных». Как раз то, чего не хватало для полного счастья!

Если бы не долбанная болезнь и лекарства, хрен бы я в этот коммунальный ад заселился! Скучаю по Флегонтова. По Карине в моей футболке...

Чужой крик вернул в реальность. Похоже, предстоит жесткий автопробег по моим убитым мозгам. Лезть не стану. Я еще от прошлого шока не отошел, когда застал пьяного соседа по коридору спящим головой в стиральной машине.

Я принялся отковыривать краску на перилах. Рядом висел плакат «Курить строго запрещено» с припиской маркером: «Курите нежно». Медаль автору. Или по башке медалью.

— Ну а куда я их, по-вашему, должна девать?! — огрызнулась девчонка, что жила как раз напротив старого хрыча. Таня? Юля? По барабану. Соседка. Голос пронзительный, как сверло, но держится, хотя стальной трос ее нервов уже сожрала ржавчина старого упыря.

— У меня нет гаража!

— Мне плевать! Убери этот хлам, пока я сам его к чертям не выбросил!

Заглушив правое ухо наушником, я уставился в телефон. Экран светился режущей синевой, но толку ноль. Посты мелькали, не задерживаясь. Все дерьмо. Пусто.

Взгляд зацепился только за две фотки китайского гуан-

дао. На первой — ржавый хлам, на второй — уже вылизанный до блеска, красивый. Под ними тянулась какая-то простыня текста: «Найден на складе... кропотливый процесс...». Читать не стал. Мимо.

И тут новое сообщение. Мама. Штатный вопрос: «Как дела?» Я на автомате ответил: «Нормально». Вот и весь разговор. И сразу же на меня накатил горячий прилив. Нормально?! После всего этого вот!? Впрочем, маму касаться «это вот» не должно. Не хочу с ней обсуждать свои проблемы. Начнутся вопросы, сопли, вопли. В багажник!

Скандал сверху набирал обороты. Оказалось, автомобильные колеса — не только часть машины, а именно они мешали старому хрычу выгодно сдавать комнату (пугая эфемерных арендаторов призраком резины и перспективой соседства с шиномонтажкой). «Источали яд» (тут еще можно поспорить, кто токсичнее: резина или сам сосед) и вообще являлись воплощением вселенской грязи (тут добавить нечего, разве что пару пакетов). Соседка безуспешно отмахивалась от словесных подзатыльников. Ее голос терял мощность, сдаваясь под напором бессмысленной, но неумолимой агрессии.

Я оперся плечом на стену. Столько энергии, столько потенциала и все в трубу… Такой энтузиазм достоин лучшего применения. Например, для поиска философского камня, или хотя бы вымыть лестничную клетку, чтобы приблизить мечты старого упыря о цивилизации. Хотя бы на пару часов.

Как же я хочу просочиться сквозь стену прямо в кровать. Рухнуть в подушку и забыть, что гребаный мир вообще существует. Я затяжно зевнул. В челюсти хрустнуло.

Наконец, грохнули двери. Сначала одна — с размаху, следом вторая — сдавленно. Ну, слава аноду и катоду, угомонились! В воздухе еще отчетливо пахло чужим скандалом. Радовало одно: я умный, а они идиоты. С чистой совестью невмешательства я пополз в свою берлогу.

2

Я вымотался до пустого бака, но никак не мог уснуть. По температуре все в рамках допустимого, но в глазах стояли спички. Диван стал каким-то неудобным. Клеенка шуршала. Дневной свет мешал. И хотелось есть. Нет, жрать! Отодравшись от дивана, я поплелся к холодильнику, там меня ждал типичный завтрак холостяка: открыл дверцу, почесал яйца — и захлопнул. В магазин переться сил нет. А если тех коров встречу? Тогда точно не сдержусь и сожгу все до основания. К черту!

Пошарив по шкафчикам, я нашел половину пачки риса и брусничное варенье. Ну, почему бы и да? Это ж как пицца с ананасами. Наверное. Я сварил рис. Получился пригоревший комок. Щедро заправил все вареньем и потащился на подоконник, служивший мне столом и стулом. Варево вышло далеким от высокой кухни, но есть можно. Желудок ото-

звался довольным рыком, только спать мне уже не хотелось совсем.

Я уставился на стену. По обрывкам обоев, отходивших от сырости слоями, прогуливался таракан. Еще так уверенно, словно это он платил за аренду будки, гордо именовавшиеся в объявлении «уютной студией». Опять эти мерзкие твари здесь. Прячутся в щелях, жрут дерьмо, травятся. Их все ненавидят и хотят раздавить при первой же возможности. И один черт, они продолжают лезть на стол, борясь за свое жалкое существование в мире, не предназначенном для них. Ненавижу! Я прихлопнул таракана тапком и пошел мыть посуду. Намывал ее до скрипа и натирал до полной сухости. Закончив, рухнул на диван. Меня потихоньку начала накрывать сонливость.

«Я веселый таракан, я бегу-бегу-бегу…», — заскребся назойливый стишок в голове. Я открыл глаза.

Монотонное тиканье часов действовало на нервы — будто кто-то хрустел маринованным огурчиком прямо над ухом.

Хрум-хрум, хрум-хрум…

«Я веселый таракан, я бегу-бегу-бегу…»

Дотянувшись до пульта, я включил телевизор.

— Гражданин преступник, меня зовут Человек-паук…

Во рту мгновенно скопилась вязкая, соленая слюна. Питер Паркер… — мальчик-зайчик, ставший героем, благодаря суперспособностям. Ба! Смешно, просто смешно! Я скрипнул зубами. Суперспособности хороши лишь в кино, а в жизни…

А в жизни они боль, презрение и страх окружающих… Переключил канал, там элитного вида тетка поправила бумаги и произнесла:

— Мы прерываем эфир для экстренного сообщения. Эспиэн-вирус можно…

О нет! Выключив телевизор, я швырнул пульт подальше. К черту зомбоящик! Сейчас начнут жужжать, что какой-то эспиэнщик устроил бомбеж-грабеж-дебош. Поперек горла стоит уже!

Взял телефон. В галерее нашел старое видео с Кеном Блоком, но все равно пересмотрел его с тоской. Таких крутых видео больше не будет, ведь иконы автоспорта уже нет… Кажется, совсем недавно я и Ромыч смотрели его первое видео и мечтали так же жечь резину. До сих пор не верилось… По спине проскочила дрожь. SPN-вирус… он тоже смерть. Медленная, мучительная. И просто потому, что я оказался не в то время и не в том месте. Всего лишь помог человеку! Зачем я вытащил его из той битой тачки? Зачем? Что я получил?! Болячку, одиночество, работу в сарае и халупу размером с собачью конуру. Правильно говорят: не делай добра — не получишь зла. Я просто хочу жить нормальную жизнь… Неужели мое желание такое сложное?!

Волоски на руках мгновенно встали дыбом. Неприятно. Я бросил телефон на диван. Голова гудела, как перегруженный трансформатор. Не к добру это. Я померил температуру: тридцать девять и три. Ядрены пассатижи... Выпив двойную

дозу таблеток, я лег в постель и накрылся одеялом. Проваливался в хрупкую дрему. Через полчаса меня трясло, как старый дизель. В теле вирус играл с термостатом, бросая меня из айсберга в пустыню. Сознание плавало. Простынь промокла насквозь. Я перекатился набок, закутался в одеяло, пытаясь хоть немного согреться. Мимо. Только хуже. Кожу изнутри жгло раскаленной проволокой. Вены пульсировали огнем. Страшно засыпать. Дышать тяжело. Все паршивее. Хуже. Тяжелее. Не продохнуть.

Мелькнула мысль про стакан водки, но я ее сразу отбросил — потом сожрет дикая изжога. Не вариант. Мне плохо... Очень плохо.

Застонав, я натянул одеяло до самых ушей. Свернулся в тугой комок, напряг мышцы.

Спустя время — сколько его прошло? — пекло понемногу отступило. Правда, сосуды еще полыхали.

Глянул на циферблат: стрелки улетели на три часа вперед. Я перестал слышать их ход. Вообще. Сначала просто тупо пялился в одну точку, а потом в уши наконец пробилось: тик-так, тик-так… Физика вроде немного отпустила. Радоваться не получалось.

В башке щелкнуло острое, как лезвие гуандао, понимание: скоро таблетки контроля сдохнут. Перестанут действовать. Жди беды. Я отчетливо представил себя в боксе над открытым капотом своей «Селики». Вместо нормальной работы — конвульсии, дерганья. Тяжелый ключ срывается из

рук, рубит топливную магистраль и… искра, взрыв, пламя. И это не случайный косяк. Финал моей болезни. Моей проклятой суперсилы. Карина твердила: «Хрен знает, что будет дальше». А я уже все понял. Дальше я больше не механик. Я — ходячая бомба с невидимым таймером. Он тикает… Тик-так, тик-так, все пошло не так. Не хочу. Не хочу! НЕ ХОЧУ! Я бахнул кулаком по подушке. На груди потяжелело. Зачем вообще жить дальше, если я не могу заниматься тем, что люблю? Как? Нет машин — нет жизни. Я и так уже почти остался без них: хожу пешком, давлюсь в душных автобусах. Сапожник без сапог. Больше не могу. Не хочу... Машины — единственные, кто видел меня любым и всегда принимал. А теперь я для них не друг. Угроза на двух ногах.

Я глянул на банку с таблетками. «Адаптометрин Термогенный АТГ-7». Взял ее.

Таблеточной дряни хватит, чтобы все закончить. Перерезать красный провод. И больше не будет страха. Мучений. Опасности. Просто… ничего.

Открыв банку, я потянулся за бутылкой воды. Она выскользнула из руки и грохнулась на пол. Поднял ее и открыл, ощутив резь в глазах. Я отпил воды, чтобы унять гайку в горле.

Зазвонил телефон. Ромыч. Твою мать… Ну вот, чего ему опять приспичило?! Наверное, опять на работе накосячил. Или вляпался куда. Как же он не вовремя. Иди к черту, Рома…

Я отпил еще воды, посмотрел на телефон, потом на таблетки и вытащил эту… Мерзкую розовую штуку. Телефон замолчал, а через секунду опять зазвонил. Черт! Не дозвонится с третьего раза, прилетит же! Зачем я ему ключи вообще дал? Придурок…

Взяв трубку, я ответил. Говорить тяжело:

— Алло...

— Ты уже там? — голос Ромыча звучал странно, взволнованно.

— Где?

— Ты че, не слышал ничего?

— Не слышал, и не… Я спать пытаюсь вообще-то!

— Отмена. Со всех утюгов орут, что…

— Ром, мне и так х… — Я хотел уже бросить трубку, но Ромыч не унимался:

— Собирайся давай!

— Куда, блять?!

— Всем сэпиэнщикам надо срочно ехать в больницу!

— … Нахрена?

— Лекарство дают экспериментальное!

Я замолчал. Лекарство? Чушь какая-то…

— Громов, слышишь меня? Тебе точно надо ехать во вторую краевую!

Или не чушь… Я закрыл банку с таблетками. Аккуратно.

— Слышу…

— Может, тебя подхватить? Я мигом!

Только не его Импреза, воняющая горелым маслом… Давно талдычу, что сало распредвала поменять надо. Бесполезно. Прошивка не шьется, блок закрыт.

— Нет, я сам.

— Точно? Ты вызови лучше таксу. Не рискуй за руль прыгать.

— Разберусь, — прозвучало тверже, чем планировалось. Повисла пауза. Я молчал, а Ромыч, будто искал слова и нашел:

— Слушай, ты это… как доедешь, сразу позвони-напиши!

Я угукнул. Ромыч выдохнул:

— Может, тебя все-таки подкинуть?

— Я. Сам.

— Ладно-ладно. Жду, короче.

Он отключился. Я сидел как запаской пришибленный. Лекарство? Экспериментальное? В голове пульсировала мысль, то ли спасительная, то ли предвещающая новую волну разочарования. Я схватил телефон и вбил в поисковик «новое лекарство от SPN». Результаты ошеломили: статьи с заголовками «Прорыв в медицине!» соседствовали с форумами, где люди проклинали лекарство, называя его «новой формой контроля». «Испытания не завершены», — гласил один из комментариев. «Побочные эффекты ужасны», — писал другой. «Лучше, чем стабилизаторы», «Наконец-то я помылся как человек», — уже звучало немного лучше.

Листая ленту дальше, я наткнулся на статью о связи меж-

ду SPN и правительством. Теории заговора? Возможно. Но червь сомнения внутри уже зашевелился. Вдруг вся эта система — не лекарство, а просто способ избавиться от неугодных? Я хмуро посмотрел на баночку с таблетками. Надежный способ уйти насовсем. Но что, если у меня все-таки есть шанс?

Взгляд переместился на ключи от машины. Они всегда лежали на видном месте, как напоминание о том, кто я вообще такой. Селика — единственное, что у меня осталось. Моя любимая девочка, преданно ждущая под мостом. Я ведь помню каждую гайку, закрученную собственными руками. Тоска по работе и по ней убивала больше, чем сам вирус.

Кое-как поднявшись, я подошел к зеркалу. Кто там на меня смотрел? Сломанный человек без будущего.

С трудом я вытащил из шкафа первые попавшиеся вещи: джинсы и черную майку. Череп раскалывался, но сознание постепенно возвращалось на место. Я заставил себя шевелиться. Нужно собраться. Давай, пошел, Артур!

Схватив ключи от Селики, я запер дверь на замок и, опираясь плечом на стену, медленно поплелся к лестнице. Торопиться нельзя. Жар в венах не давал покоя, пульсировал в висках. Я осветил собой темную лестничную клетку. Молодец, Громов. Вышел сиять. Придурок. Нужно вернуться. Дождаться, когда пламя остынет и собраться нормально. Я развернулся и на первой передаче двинулся обратно в свою берлогу… В голове крутились разные мысли, но забить и лечь в

постель уже не получится. Я должен проверить.

Первым делом я подошел к столу и достал папку с документами и выписками. А что, если они просто хотят знать, как я лечился? Или как долго еще протяну? Я засунул таблетки в карман. На всякий случай. Лекарства должны всегда быть при себе. Неизвестно, что меня там ждет. Я закинул в другой карман охапку пластырей и спиртовых салфеток — незаменимая вещь во всех смыслах. Умылся, чтобы немного остудить голову и выглядеть чуть приличнее бомжа. Взяв свой рюкзак, я начал складывать туда сменную одежду, мыльнорыльные, зарядку для телефона. Надолго ли я туда? Положат или просто укол-таблетку всучат и отправят с миром?

Закончив со сборами, я посмотрел на себя в зеркало. Смогу ли я справиться? Или сломаюсь под гнетом обстоятельств? Из груди вырвался тяжелый вздох. Либо сейчас, либо никогда.

Вены немного успокоились, страх осел где-то на дне желудка. По привычке цапнув ветровку с вешалки, я снова вышел за дверь. Два оборота. Ключи — в карман. Рюкзак — на плечо. Медленно, но, верно, я двинулся к своей Селике.

Кровавое лекарство

1

Celldweller, Styles of Beyond — «Shapeshifter»

Под мост в сумерках я чуть ли не бежал.

— Привет, красавица. Соскучилась? — Шлепок ладонью по «заднице» машины, быстрый круг вокруг кузова: колеса в норме, все четыре. — Я тоже.

Щелчок брелока, замки послушно откликнулись, дверь — нараспашку. Внутри встретил родной запах чистоты. Мой мир, мой личный островок порядка. Рюкзак полетел на пассажирское, я плюхнулся на водительское. Кресло обхватило как влитое. Я мягко притянул дверь, и она закрылась с послушным, едва слышным щелчком. Уметь надо.

Ключ в замок зажигания, короткие щелчки под капотом — и Селика взорвалась утробным рыком с полпинка. Аж проняло, сука! В голове словно хомут лопнул, освобождая сдавленный мозг. Вот чем лечиться надо!

Из динамиков тут же заорала музыка, но я выдернул флешку и швырнул ее в бардачок. Не сегодня. Сегодня только ты и я, малышка. Твой голос для меня сейчас важнее.

На приборке — просто рай, все датчики в идеале. Чуть погрелись и… Сцепление в пол, первая передача — короткий щелчок рычага. Селика плавно тронулась с места. Все под контролем. Я пошел на полосу для «взлета» ... Фары включать не стал. Мне и так все видно, габаритов за глаза хватало.

На выезде немного задержался, пропуская машины — обожаю лето за то, что движок прогревается моментально. Поворотник. Дорога свободна. Погнали!

Тахометр — в красную зону. Турбина на бусте. Сцепление — вторая! Левая полоса. Третья! Метры таяли все быстрее. Обгон тихохода. Правая полоса. Левая. Адреналин бахнул в кровь. Люблю шашки! Четкий переброс передач. Клац-клац. Каждый нюанс дороги кожей чувствовал… Мигающий зеленый. Вперед! Двигатель рявкнул, проглотив воздух. Через встречку. Виртуозное торможение, свист шин, чистый вход в поворот. Газ в пол!

Она — продолжение меня. Рев мотора, чистый ультразвук. Она понимала каждое мое микродвижение. Без слов. Всегда. Я слышал ее голос… Ночь опускалась. Тень. Она моя тень...

2

Парковка оказалась забита под завязку, но я нашел, куда впихнуться. Мигалки автозаков резали глаза, но сейчас волновало совсем другое. Главное — толпа. Человек двести, а может, и больше. Все здесь за одним и тем же. За SPN-лекарством. Экспериментальным SPN-лекарством, мать его.

У меня кишки завязались в узел. Я не думал, что в городе *столько*больных…

Я набрал сообщение Ромычу:

«Здесь отвал башки… народу куча, менты. Чувствую себя мухой в банке».

Ответ почти сразу:

«Может, падъехать? А то ты там один…»

Ага, щас. Делать ему тут нечего и так пернуть негде.

«Сам справлюсь».

«Переживаю, но верю, что перенесеш все хорошо. Ты крепкий орешик!»

Верит он в меня… А вдруг побочка или что-нибудь похуже? Эксперимент есть эксперимент.

Я устроился у фонарного столба в ожидании дальнейших действий. Еще теплый бетон казался обманчивым, вытягивая из меня последние силы и давя на въевшиеся в кожу плеча розы и гаечные ключи.

«Скоро все закончится…» — единственная мантра, помогавшая сдерживать подступающую к горлу гайку.

Толпа вокруг — в основном мои ровесники, от силы лет по двадцать-тридцать. Чуть поодаль, прислонившись к стене, застыли двое в огромных наушниках и с плотными повязками на глазах. Эльфы, сразу ясно. Слева от меня, нервно теребя край юбки, стояла женщина. На ее лице, от скул до висков, прорастали мелкие серые перья. Гарпия? Или василиск? Хрен разберешь.

Кто-то тронул меня за рюкзак. Я дернулся, обернулся, готовый выпалить грубость, но застрял на полуслове. Девушка. Красивая… Она показала пустые ладони:

— Прости, если напугала.

— Нормально все, — буркнул я.

— Ты не в курсе, что тут вообще делать будут? — Она поправила свои длинные волосы.

— Без понятия. Я тут… Мимо проходил, — равнодушие сыграть не вышло, голос прозвучал напряженно и глухо.

— М-да-а… никто ничего не знает, но все здесь собрались. — Она цокнула, и жест мне показался таким же измученным, как мое дыхание. — Ты с чем?

— В смысле? — Я нахмурился, чуть приподняв плечо. Не люблю лезущих в душу, особенно здесь и сейчас. Каждая лишняя деталь — риск. Риск быть выдавленным из и без того тощей очереди на надежду.

— Ну, кто ты?

— Автомеханик третьего разряда, — соврал я. — Привод передний, пробег скручен.

Она усмехнулась, по-усталому. Казалось, что у нее будто припудренные серой пылью глаза.

— У тебя огонька не найдется? — спросила она, доставая сигарету из пачки, и я хотел уже выпалить штатное «не курю», как заметил, что ее волосы шевелятся, точно змеи. Горгона? Я вздрогнул и покачал головой.

— Ладно. — Она пожала плечами с таким видом, будто

ей абсолютно все равно: на огонек, на разговор, на меня. Ей явно просто надо занять время, чтобы не сойти с ума. Она пошла сутуло бродить по толпе. Я старался не смотреть ей вслед, но боковым зрением все равно уловил, как пара прядей на затылке шевельнулись и сложилась в нечто, напоминающее кулак. Обиделись, наверное… Прекрасно! Здесь даже волосы настроены враждебно.

Раздражение клокотало под ребрами — злое, закипающее, готовое вот-вот сорвать клапан. Кругом точно такие же измотанные и настороженные люди. Мы стояли как стадо животных в загоне, ожидая, кого первым поведут на убой или, если повезет, на спасение. Напряжение витало в воздухе плотным, липким туманом, смешиваясь с выхлопами машин и запахом пота.

Полицейские, сами бледные и с запавшими глазами, пытались организовать порядок. Их голоса срывались. Они резкими, нервными движениями сортировали нас по классам. «A», «B», «C»…

Все как обычно.

Наконец, дошла очередь и до меня. Офицер, молодой парень с трясущимися руками, прокричал в мегафон:

— Класс «D», пройдите к восточной стороне для регистрации. Соблюдайте очередность. Сохраняйте спокойствие.

Последнюю фразу он выдавил сквозь зубы, явно сам не веря в нее. Его губы дрожали, а взгляд бегал по толпе. Не ждали такого наплыва. Не ждали, что отчаяние соберет столько

людей в одном месте. Опасных людей.

Я двинулся, подталкиваемый толпой сзади. Ноги казались ватными. Дышать нечем. Мы проторчим здесь до самого рассвета, вонючие и озлобленные. Надо было зефирки с собой прихватить…

Очередь к восточному входу еле двигалась. Все напоминало худший фейсконтроль в ночной клуб. Каждые полчаса двери больницы приоткрывались, и внутрь пропускали партию из десяти человек. Они исчезали в белом свете вестибюля, и двери с глухим стуком захлопывались. Ни крика, ни возгласа. Просто поглощение.

Стемнело. Я стоял в следующей партии. Сердце вдруг заколотилось в горле. Мысль, что все скоро закончится, внезапно дала осечку. Засела внутри тупым, холодным клином. В голове крутился один и тот же перечень неполадок: словить побочку, остаться в глухой тишине или, что еще паршивее, обнаружить, что эта дрянь вообще не дает эффекта.

Передо мной стоял представительный мужик, судорожно курящий сигарету за сигаретой. Сзади кто-то тихо покашливал. Я сжал кулаки в карманах, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Телефон периодически вибрировал, оповещая о новых сообщениях. Я не хотел их читать.

Еще немного. Осталось только дождаться, когда откроют двери.

Я увидел, как к дереву прислонился старик, держа фляж-

ку в руке, а потом он медленно сполз на землю. Надрался уже, молодец. Ну, как вариант скрасить время ожидания. Но дышал он прерывисто.

— Он не дотянет до своей очереди, — сказал сутулый ботаник в футболке, усеянной стилизованными трилистниками — точь-в-точь кресты с игральных карт. Я глянул на старика еще раз. К нему подскочила горгона и осмотрела, проверила пульс. Понюхала фляжку, не поморщилась. Потрясла ее. Пусто. Ее волосы ловко расстегивали пуговицы на рубашке старика. Зрелище одновременно жуткое и гипнотизирующее.

Я отвел взгляд. Скоро моя очередь. Еще плюс-минус пятнадцать минут.

— Позовите врача! — ее голос, звонкий и пронзительный, прорезал общий гул. — У кого есть вода?!

Игнорировать происходящее становилось труднее. Вокруг старика сформировался маленький эпицентр суеты. Его положили на бок, под голову засунули чужую сумку. Парень-кресты просто стоял, а потом протянул бутылку с водой. Горгона взяла с кивком. Старик хрипел, но я не разобрал его слов.

Ну и прекрасно. Пусть сами разбираются. Я закрыл глаза, пытаясь отгородиться от ситуации, но она впилась в мозг, как заноза. Еще и наушники я не взял. Ядрены пассатижи! Самое важное забыл!

В груди зажгло… Под кожей на запястьях заныла знако-

мая, опасная пульсация. Только не сейчас. Я замотал головой. Только не здесь. Надо держать себя в руках!

К кольцу людей подошли двое полицейских. Они выглядели не лучше нас, изможденные, с серыми лицами.

— Успокойтесь! Врач подойдет! — прикрикнул один из них, но в его голосе не звучало ни капли авторитета.

— Когда? — завопила толстуха, махнув своей высохшей до костей рукой. — Через час? Дед столько не протянет!

— Успокойтесь, мы делаем все возможное… — начал второй, но его перебила горгона:

— Человеку плохо! Это больница или что, мать вашу?! — рявкнула она, силой скручивая себе волосы. Они с усердием вырывались из ее сжатых пальцев.

Полицейские обменялись нервными взглядами и отступили на шаг, создав буферную зону. Красноречивее любых слов: они боялись. Боялись лезть в кучу отчаяния, где у каждого есть способность, и чаще — опасная. Воздух ощутимо натянулся.

Метрах в пяти от меня из толпы вышел шкафоподобный перец с красными татуировками везде. Голем! Он неуклюже, но твердо прокладывал себе дорогу к парню-крести, который стоял рядом со стариком.

— Это все из-за таких как ты! — заорал он басом, тыча пальцем. — Стоишь тут, каркаешь, как ворона! Ты его словами и добил!

Парень-крести замялся:

— Да я прост сказал…

— Просто сказал, а мог бы и сам помочь ему! — Голем напирал на него, как валун. Татуировки менялись с чудовищной скоростью. Я напрягся.

— Убери свою рожу отсюда!

— Я уже ухожу.

— Вот и вали!

Только миг — искаженное ненавистью лицо-шайба. Голем толкнул парня… Он отлетел, как пушинка. В столб. Удар, громкий, страшный. Хруст?

— Черт! — выдохнул я и инстинктивно отпрыгнул. И все… Парень-крести сполз по столбу, оставляя на бетоне багровый след. Неестественно вывернутая шея, застывший взгляд… У меня внутри все перекосило. Ноги пригвоздило к асфальту. Подбородок задрожал.

На секунду застыли все: и голем, смотрящий на свои руки с приоткрытым ртом, и горгона, и полицейские, и старик на земле, которого все мгновенно забыли.

…Тишину разорвал крик. Женский, пронзительный.

Толпа дернулась назад. От столба. От мертвого тела. Удар о землю. Чей-то дикий визг. Полицейские побледнели. Бросились вперед. Поздно.

Началось.

Волна хаоса ударила в грудь. Оттолкнула. Я задыхался. Крики со всех сторон, сплошной вой. Толкали. Тяжелый удар в бок — меня швырнуло на газон. В ушах звенело.

Дверь. Где дверь? Белый свет вестибюля — там. Мираж. Не достать. Бежать. Надо бежать! Ноги ватные. Мегафоны. Полицейские орали. Ничего не разобрать. Только треск в ушах.

ХЛОПОК!

Оглушительно. Рядом. Я зажал уши. Газ? Мысль — вспышка. И тут же горло… Свело. Я не мог вдохнуть. Кашель и рвотные спазмы. Люди падали. Закрывали лица. Слезы. Все плыло. Газ. Это газ!

Сквозь слезы мелькали силуэты. Глаза жгло. Толпа рванулась в разные стороны. Кто-то колотился в двери больницы. Кого-то сбили с ног. Вопли.

ГРОХОТ!

Ближе. Выстрел? Или это… способности в ход пошли? Ясность жахнула в голову. По газам!

Дракон в бегах

Я побежал. Мимо сортировки. Мимо полиции. Мимо орущих. Просто прочь… Адреналин жег кожу. Забор. Я прыгнул на него. И полез вверх. Спрыгнул. В спину крикнули:

— Стой! Стрелять буду!

Не дождетесь! Хлопок. Надо действовать! Мозг на пределе. Салфетки! В рот, жевать… мерзость! Бумага комками. Противный вкус спирта. Глотать!

Жар внутри меня взорвался. Я забежал за угол дома. Замедлился. Вдохнул глубже. Надо выдохнуть… Со всей силы! Помойка! Я выдохнул пламя. Огонь вгрызся в мусор и пластик баков. Отвлечь наверняка! Я бежал. Бежал.

Парковка! Я пригнулся, шныряя между машинами. Ноги заплетались, перед глазами поплыли мушки. Где моя тачка?! Это не та парковка! Черт!

Мелькнул силуэт пикапа, светлый, угловатый. На воротнике кабины, отсвечивал символ Шевроле. Тент на кузове. Он лежал как попало, из-за торчащего груза. Я подскочил к машине. Из-под полотнища несло тухлятиной и чем-то химически-сладковатым. Прятаться или бежать? Шаги! Прятаться! Я сиганул в кузов, зарылся под складки тента. Сложился калачиком.

Спина уткнулась во что-то твердое, я лишь смутно почувствовал прохладную, скользкую поверхность сквозь ткань.

Затаился. Слушал. Внутри все вибрировало на бешеной частоте. Изжога драла пищевод.

— Видишь его? — запыханный мужской голос. Близко. Брезгливый, с хрипотцой.

— Нет, — ответил женский. Тоже близко, но голос четкий, оперативный. — Шустрый.

— Этого дракона надо поймать! — мужчина почти выкрикнул. — Я видел пламя! Он дышит огнем!

— Жень, тише, — женщина попыталась его урезонить и зашептала так, что я ничего не разобрал.

— Квадраты… — мужчина фыркнул. — У нас нет времени на квадраты!

— Жень, он выдохнул огонь. Значит, он на пределе. Ну… Или свалил, пока мы тут сами очком полыхаем…

Раздался глухой бум, завыла сигнализация поблизости.

— Сука!

— Пойдем уже, — сказала женщина, отдаляясь. — Проверим машины. И не забудь про камеры на въезде, мы можем запросить запись.

Шаги начали удаляться, рассредотачиваясь по парковке. Один набор — тяжелый и нетерпеливый, другой — легкий и расчетливый.

Шаги затихли. Но я не двигался! Пережду. Вдруг ловушка? Камеры на въезде… Проклятье! Моя Селика… я сейчас же не смогу к ней подойти. Ничего, я справлюсь!

По тенту застучали первые капли дождя. Надо немного

полежать, прийти в себя. Отдышаться. Если найдут… что если они начнут проверять кузова… Что делать? Не дамся. Не дамся просто так! Или… может, захватить пикап? Ага, конечно, два проводка скручу и поеду на встречу рассвету. Ядрены пассатижи… Ладно, как-нибудь оторвусь, салфетки еще есть, а потом домой. Пока просто домой. Не домой… Куда? По пути разберусь.

В голову вернулся образ парня-крести. Вот что бывает с теми, кто лезет не свое дело. Лучше быть живым эгоистом, чем мертвым хорошистом.

Ноги затекли, руки онемели. Надо пошевелиться, но конечности отзывались мерзким покалыванием. И изжога… чертова изжога! Скоро сдохну от нее. Зачем я сожрал столько спиртовых салфеток? Живот скрутило судорогой, накатила тошнота. В ушах зазвенел странный звук, словно где-то настраивали скрипку. Сначала тихо, еле слышно, а потом все громче и громче.

Вдруг щелкнула открывающаяся дверь. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Нельзя! Я должен помочь себе. Все, належался! Я попытался встать, но тело превратилось в мешок с картошкой. Ноги не гнулись, руки висели бревнами. Я пытался шевелиться, хотел закричать, но звук застрял в горле. Мышцы сводило. Вот он — конец.

Бахнула дверь, взревел двигатель. И тут завопила скрипка — громко, визгливо, на ПОЛНУЮ МОЩНОСТЬ. Она буквально резала мозг, вызывая новую волну тошноты. Желчь

вместе с кашей из салфеток хлынула наружу.

Я попытался стучать по кузову кулаком. Бесполезно, проклятая скрипка заглушала все вокруг. Я не мог кричать, горло нещадно резало. В следующий миг пикап дернулся вперед, словно получил смачного пинка под зад.

Тошнота VS Голод

Судьбы час — не дрогни в нем.
Голод — козырь. Твой черед.
Твой вопрос — лишь гнет.
Карты на стол, и… в полет!

Я схватился за груз, скользкий, широкий! Черт! Меня метнуло в сторону — башкой об металл. Искры из глаз. Еще раз! В висках — стук гаечного ключа.

Дождь хлестал барабаном. Тент хлопал на ветру. Надо держаться! Я нащупал петлю в стенке, три пальца влезло. Хрень!

Я упер ладонь в борт — дым, вонь паленой краски. Металл поплыл, на миг вспыхнул багровым. Писк в ушах. Сила ушла, оставив в кузове дыру с оплавленными краями.

Просунув в нее руку, я схватился за раму. Ногами уперся в задний борт. Есть!

Дернуло на кочке. Выдержал. Теперь я точно не улечу, только вместе с пикапом. Тряска, крик двигателя, вой скрипки из кабины. Я обязательно выживу.

Пикап набирал скорость. Дикую скорость! КУДА?! Вспышка света! Яркая, как удар молнии прямо в глаз! Треск! Оглушительный раскат грома! Тело пронзила дрожь. Еще треск! И еще! Сейчас взлетим на воздух! Тент перестал хло-

пать. Голова раскалывалась от грохота! Я зажмурился. Хоть бы не намотаться на столб… ПОМОГИТЕ!!!

Внезапно свалилась тишина. Ход замедлялся. Уши заполнил шелест шин. Эхо. Я приоткрыл глаза, освободил руку, приподнял тент. Запах озона резанул нос. Бетонный потолок в подтеках, свет ламп резал глаза. Тоннель! Я такого не помню у нас в городе. Резкий занос на повороте — я сильно стукнулся локтем об груз. Тихо заскрипели тормоза. Транспорт остановился.

Двигатель заглох. Дверь бахнула, кузов качнуло. Ледяной пот холодил шею. Скрежет цепи. Грохот ворот. Значит, подземный гараж. Плохо. Попкинс вери бэд.

Горло саднило. Надо выбираться. Или не надо…

Меня одолел внезапный приступ кашля. Тент отлетел вверх. Я подскочил с воплями, вывалился из кузова. Правый бок встретился с бетоном — больно. Прямо перед глазами — берцы. На липучках. Я подскочил, еле удержал равновесие, готовясь защищаться. Передо мной стоял киберпанк с длинными косичками до пояса. Он посмотрел на меня так, будто узнал, но не приближался.

— Ты в порядочке? — спросил он.

Его голос. Я его слышал раньше… Где? У меня вырвался новый приступ кашля, который я не смог сдержать. На языке повисла соленая горечь. Киберпанк чуть поднял руку, но замер. Стальной блик его серьги шоркнул мне по глазам. Масть крести? Я проморгался, вытер слезы, присмотрелся.

Киберпанк медленно опустил руку и произнес по слогам:

— Я те-бя не оби-жу. По-ни-ма-ешь ме-ня?

Это же… парень, которого толкнули в столб! Нет-нет-нет. Он же труп и волосы короткие были. Сутулый был. И прикид другой… Он похож просто! Масть крести… Близнец? Бред! SPN? Нет, мы не встаем из могилы, а только ложимся туда. Я помотал головой. Мозг качнулся желешкой и встал колом.

Киберпанк чуть вскинул подбородок, усмехнувшись:

— Узнал, да?

ЭТО ТОЧНО

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.